

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Первобытное общество. Основные проблемы развития. Отв. ред. А. И. Першиц М., 1975, 285 стр.

За последние годы советская этнографическая наука сделала большие успехи как в накоплении нового материала, так — и это особенно существенно — в теоретической разработке общих проблем этнокультурной и социальной истории человечества. Советские этнографы провели ряд фундаментальных исследований, посвященных различным аспектам историко-культурного развития человеческого общества от его древнейших этапов до современности. В научный оборот вводятся новые методы изучения этнических процессов сегодняшнего дня. Комплексный подход, широта объекта исследования при строгой научной методологии составляют отличительные черты советской этнографии, внесшей значительный вклад в мировую историческую науку.

Свидетельством достижений отечественной этнографии может служить, в частности, недавно изданная книга «Первобытное общество. Основные проблемы развития».

Хорошо известно, что к числу наиболее сложных проблем истории человечества относятся вопросы его ранней истории — от возникновения человека и общества до формирования антагонистических классов и сложения первых государственных образований. Трудности, стоящие перед историком первобытности, во многом связаны с удаленностью изучаемого им периода от нашего времени, с невозможностью непосредственного наблюдения и почти полным отсутствием письменных источников.

В рецензируемой книге авторы попытались обобщить данные по основным проблемам истории первобытного общества от эпохи антропогенеза и до судеб первобытной ойкумены в новое и новейшее время.

Перед авторами работ, вошедших в книгу, стояла как бы двойная задача. С одной стороны, необходимо было дать обоснованную критику антимарксистских взглядов на историю первобытного общества: известно, что заметное расширение этнографического и археологического материала за время, прошедшее с момента создания главных работ основоположников марксизма по проблемам первобытной истории, привело к оживлению попыток «опровергнуть» основные положения марксистско-ленинской концепции первобытности под флагом учета новых данных. С другой стороны, то же самое расширение фактического материала привело к разногласиям среди исследователей по поводу истолкования конкретных форм проявления общеисторических закономерностей в развитии первобытного общества.

Авторы книги не ограничивают себя лишь изложением дискуссий по проблемам первобытности, а стараются показать, почему та или иная точка зрения научно обоснована в свете марксистско-ленинского учения. Как справедливо отмечается в предисловии, «первобытная история всегда принадлежала к числу дисциплин, имеющих особенно большое мировоззренческое значение, так как она проливает свет на происхождение институтов классового общества, их исторически обусловленный, переходящий характер» (стр. 3). Несомненной заслугой авторов является последовательный историзм при анализе различных проблем, связанных с широкой темой исследования. В книге не случайно рассматриваются вопросы, относящиеся преимущественно к социально-экономической истории первобытности. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса,— писал В. И. Ленин,— является постановка его в определенные исторические рамки»¹.

В книге анализируются такие важные с общеметодологической точки зрения вопросы, как антропогенез и социогенез, возникновение и развитие общинно-родового строя, механизмы классообразования, особенности развития первобытных обществ в их взаимодействии с обществами классовыми. Этот последний вопрос рассмотрен в книге на весьма широком и представительном фактическом материале, охватывающем период от ранней античности до новейшего времени, а в географическом отношении — всю территорию ойкумены. Впрочем, широта географического охвата характеризует все главы книги, что, безусловно, следует считать немаловажным ее достоинством. В нашей литературе по истории первобытности, пожалуй, еще не было работ, где рассмотрению одновременно подвергалось бы такое количество конкретных обществ, к тому же на столь протяженном хронологическом отрезке и в таком общедоступном, а вместе с тем сжатым изложении.

Важно подчеркнуть многосторонний подход авторского коллектива к рассматриваемым в работе проблемам. В число авторов входят разные специалисты — от антропологов до социологов и философов, и это позволило в определенной степени придать книге комплексный характер, учитывающий все многообразие аспектов, в которых можно (и должно) изучать историю первобытности.

Возникновение человека и общества — предмет первой главы книги (автор В. П. Алексеев). Важнейшее место в этой главе занимает выделение критериев человека, по определению автора, с философской и антропологической точек зрения. Этот вопрос в высшей степени актуален, ибо в последние годы новые находки.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263.

прежде всего на территории Восточной Африки, с небывалой до того резкостью поставили проблему границы между животным и человеком. Хорошо известно, например, что такое существо, как *Homo habilis*, одни специалисты (В. П. Якимов, Ю. И. Семёнов) относят к животным, а другие (Л. Лики, П. И. Борисковский, М. И. Урысон) — к человеку. Сам В. П. Алексеев склонен принять вторую точку зрения, что нашло отражение в созданной им в данной главе классификации семейства гоминид (стр. 19, 41, 42 и др.). Сама классификация построена на морфологических признаках, но на всем протяжении главы она систематически сопоставляется с этапами развития каменной индустрии и находит в них свое объективное подтверждение. Тем самым, на наш взгляд, новые палеоантропологические и археологические находки подтверждают незыблемость марксистского понимания труда как создателя человека. Что же касается содержащихся в главе соображений о характере социальных связей у древнейших людей, то привлекает внимание достаточно аргументированное, хотя и остающееся спорным, мнение автора об отсутствии промискуитета в первобытном стаде (стр. 33—35). Интересным представляется и соображение о сравнительно скромной роли подавления зоологического индивидуализма как причины укрепления социальных связей (стр. 32, 33). Следует специально подчеркнуть, что, аргументируя это положение, В. П. Алексеев опирается на обширную новую информацию, собранную при наблюдении высших приматов в естественных условиях обитания. Исследования, в первую очередь Дж. Шалера и И. Эмлена, показали исключительную редкость сколько-нибудь серьезных конфликтов в стадах высших приматов, что и позволяет автору отказаться от традиционного понимания зарождения социальных связей как единственного инструмента подавления зоологического индивидуализма.

Центральное место в книге занимают главы «Возникновение и развитие родового строя» (Л. А. Файнберг) и «Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества» (А. М. Хазанов). Здесь исследуется весьма длительный этап развития первобытности — от окончательного сложения человеческого общества и до появления антагонистических классов. Уже простое перечисление некоторых из рассматриваемых в этих главах тем показывает как сложность, так и исключительное методологическое значение материала данных глав: возникновение рода, его предпосылки, время и формы; соотношение рода, общины и семьи в истории человечества; последовательные этапы развития родового строя и их характеристика; условия разложения первобытнообщинных отношений, процесс зарождения антагонистических общественных классов и происхождение первых государственных образований. В сущности каждая из этих тем могла бы стать предметом специальной монографии, и необходимость совместить их все в рамках двух сравнительно небольших по объему глав книги представляла для авторов дополнительную трудность. Конечно, не все вопросы удалось осветить в равной мере, однако в целом, думается, Л. А. Файнберг и А. М. Хазанов успешно с этой трудностью справились. Они не ограничились обобщением наличного материала, а в ряде случаев смогли предложить и достаточно оригинальные решения спорных проблем. Например, о предпосылках возникновения рода у нас писалось довольно много, но идеи, высказанные по этому поводу в книге (стр. 61—63), кажутся нам довольно перспективными. То же самое можно сказать по поводу соображений о наличии в среднем палеолите и локальных рододовых и родовых общин как конкретном выражении неравномерности исторического развития (стр. 73—75). Нам представляется, что существенное значение имеет высказанная на этих же страницах мысль о методологической неправомерности использования материала по наиболее отсталым этнографическим группам для выводов о характере предродовых и раннеродовых общин конца среднего и начала верхнего палеолита. В то же время заслуживает внимания тезис, что «традиционные, идущие от Моргана, попытки реконструкции древнейших форм рода и общины на основе далеко отстоящих от них и хронологически, и стадийно родовых общин мотыжных земледельцев нового времени, не столь неправомерны, как это считают некоторые современные исследователи» (стр. 76). Это показывает, сколь многое в предположениях Моргана и собранных им материалах сохраняет свое значение и теперь.

Рассматривая поздние этапы истории родового строя, авторы заслуженно уделяют особое внимание сложным экономическим предпосылкам его разложению — появлению регулярного прибавочного продукта, развитию обмена, общественному разделению труда. В этом смысле нам кажется заслугой авторов постановка ими вопроса о различных путях классовообразования. Как известно, в последние годы в нашей науке шли оживленные дискуссии по поводу того, какой из двух путей формирования антагонистических классов, отмеченных еще Ф. Энгельсом, преобладал в эпоху классовообразования: через имущественное неравенство или же через социальную дифференциацию. Можно согласиться с выраженным на стр. 110 мнением, что «этот спор кажется малооправданным» и что «несмотря на то, что в некоторых конкретных обществах, взятых статично, один из двух факторов может выступать более рельефно, данные этнографии в целом свидетельствуют, что это лишь две стороны одного явления, взаимосвязанные, а потому трудно отделимые друг от друга».

Интересно также то решение вопроса о механизме появления родо-племенной аристократии, которое предлагается в этих главах книги. Его основой служит учет одновременного действия нескольких факторов — экономических, функциональных и генеалогических, однако при несомненном приоритете экономических причин (стр. 118—

121). Таким образом, здесь, как и при рассмотрении вопросов антропо- и социогенеза, авторы книги вполне убедительно продемонстрировали, что новые этнографические материалы лишь подтверждают марксистское учение о первобытной эпохе.

Авторы не ограничились рассмотрением первобытнообщинного строя самого по себе. Как известно, на протяжении очень долгого времени общества, первобытные по своей сути, соседствовали с такими, в которых уже сложились классовые отношения и соответствующие надстроечные явления, и находились с ними в сложных и многоплановых взаимоотношениях. Поэтому вопрос о связях центра и периферии в истории человеческого общества, хотя и вторичный сам по себе, имеет весьма важное теоретическое значение. Это значение подчеркивается еще и тем, что в несколько видоизмененных формах данная проблема сохраняется и в наши дни для большей части «третьего мира». Исходя из сказанного, представляется вполне оправданным включение в книгу двух специальных глав о первобытной периферии, причем можно только одобрить разделение материала на две главы, из которых одна, написанная А. М. Хазановым при участии Л. Е. Куббеля и С. А. Созиной, посвящена первобытной периферии докапиталистических обществ, а другая — судьбам первобытной периферии в новое и новейшее время (авторы И. Л. Андреев и Л. А. Файнберг).

Здесь особого внимания заслуживает, как нам кажется, последовательно проводимая в обеих главах мысль о том, что развитие взаимоотношений между центром и периферией характеризуется в различные периоды истории человеческого общества как общими чертами, так и достаточно ощутимыми различиями. Так, скажем, если классификация типов воздействия центра на периферию одинаково действительна в условиях существования разных общественно-экономических формаций в центре: в любом случае будут происходить заимствования в сфере технологии, идеологии, социально-политической организации (хотя, конечно, на первое место могут в разное время выступать разные их виды), то иначе обстоит дело с влиянием периферии на центр. Авторы в целом придерживаются мнения, что по мере того как возрастает стадийный разрыв между обществами центра и периферии, значение последней в их взаимоотношениях неуклонно падает. Если общество рабовладельческое вообще трудно мыслимо без наличия первобытной периферии, поставившей ему основную производительную силу, то для существования феодализма периферия — не необходимое условие социально-экономической эволюции (стр. 186, 187). Однако и в том, и в другом случае сохраняется определенная возможность активного воздействия периферии на центр. По мере же становления капиталистического способа производства в большинстве стран характер взаимосвязи принципиально изменяется: периферия оказывается исключительно в роли пассивного объекта эксплуатации (стр. 206).

Немалым достоинством книги служит постановка вопроса о возможности использования традиционных социально-экономических и социально-политических институтов периферийных обществ в условиях некапиталистического развития и о формах такого их использования. Этот вопрос рассмотрен в последней главе рецензируемой книги на материале как малых народов Севера и Дальнего Востока СССР, так и отдельных африканских стран, избравших социалистическую ориентацию (стр. 234—279). Включение этих разделов в книгу показывает, насколько актуальна и методологически и практически марксистско-ленинская разработка проблем первобытности для понимания этносоциальных и национальных отношений в современную эпоху. Рецензируемая книга — убедительный ответ тем, кто пытался свести этнографию к изучению лишь отживших архаических явлений, не имеющих будто бы никакой связи с задачами сегодняшнего дня.

Понятно, что в книге, по необходимости рассматривающей большой круг весьма сложных проблем, не все они могли найти достаточно полное, а тем более исчерпывающее освещение. На наш взгляд, авторы могли бы гораздо подробнее рассмотреть различные виды общин, существовавшие в истории человечества. В частности, следовало бы детальнее проанализировать дискуссии по этому поводу, происходящие в советской исторической науке.

Другое замечание такого же рода касается источниковедческой базы книги. Авторы привлекли богатейший этнографический, антропологический и археологический материал. Однако в некоторых разделах, особенно в главе о первобытной периферии докапиталистических обществ, явно недостаточно использованы письменные источники, тем более что такого рода материалов очень много и содержащиеся в них сведения сделали бы рисуемую авторами картину еще более убедительной. Это в частности, относится к достаточно хорошо разработанным в советском востоковедении письменным источникам по истории раннеклассовых обществ Переднего Востока. В той же главе не учтены многие важные археологические материалы, особенно по странам Азии.

Указанные замечания следовало бы, нам думается, рассматривать не столько как фиксирование недостатков книги, сколько как проявление желания отметить те главные направления, в которых должна пойти дальнейшая разработка истории первобытного общества. Одним из таких наиболее перспективных направлений является разработка взаимосвязи между социальной структурой и мировоззрением людей первобытного общества, их духовной культурой. Следует, на наш взгляд, глубже рассмотреть специфику первобытного искусства и условия его возникновения. Серьезной разработки требуют вопросы об источниках появления такого яркого и богатого яв-

ния, как искусство эпохи верхнего палеолита, о соотношении в нем иррационального и рационального и, конечно, о диалектике первобытного мышления в целом.

Развитие исследований специалистов разных отраслей нашей исторической науки позволяет сейчас ставить вопрос о необходимости синтеза данных различных научных дисциплин — истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики и психологии. Такой синтез потребует, конечно, длительной и серьезной работы большого коллектива ученых, однако начинать ее следует, по-видимому, уже сейчас. И с этой точки зрения выпущенная Институтом этнографии книга «Первобытное общество» заслуживает одобрения как одна из первых попыток осуществить такого рода синтез.

А. П. Окладников, Г. М. Бонгард-Левин

Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, 310 стр.

Новая книга известного советского ученого Ю. И. Семенова не может не привлечь к себе внимания не только этнографов, но и самого широкого круга читателей — как специалистов, так и неспециалистов. И это понятно. Книга посвящена одной из трех важнейших проблем, которые были рассмотрены в кандидатском труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Как хорошо известно, Ф. Энгельс при выделении этого вопроса привнес на основу схему эволюции брака и семьи, созданную крупнейшим американским этнографом Л. Г. Морганом — основателем нового направления в этнографической науке, возникшего в 60—70-х годах XIX в. и утвердившегося в упорной борьбе с «патриархальной» теорией. Но уже с середины 90-х годов началось настоящий крестовый поход против Моргана, вызванный в основном чисто идеологическими причинами. Как основные выводы, к которым пришел в своих исследованиях Морган, так и дух историзма, пронизывающий его работы, оказались слишком опасными для буржуазии. С этого времени в буржуазной этнографической науке снова восторжествовал взгляд на семью, основанную на индивидуальном браке, как на извечно существующую ячейку человеческого общества. Новая, «семейная» теория была возрождением в иной форме старой, «патриархальной» концепции, подвергнутой критике в трудах И. Бахофена, Дж. Макленнана и Л. Г. Моргана.

За почти сто лет, прошедших с выхода в свет «Древнего общества» Моргана (1877 г.) и «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса (1884 г.), этнографической наукой был накоплен колоссальный материал, который сделал необходимым пересмотр морганинской схемы развития семейно-брачных отношений. Выяснилось, в частности, что нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о существовании кровнородственной семьи и семьи лулауа — двух форм семьи, основанных на групповом браке, которые в морганинской схеме выступали соответственно как вторая и третья стадии развития. Это дало новые аргументы сторонникам «семейной» теории. В таких условиях отстоять идею Моргана о том, что эволюция семейно-брачных отношений шла от промискуитета через групповой брак к парному и моногамному, можно было лишь одним способом. Нужно было создать новую конкретную схему эволюции брака и семьи, которая соответствовала бы всему фактическому материалу, накопленному наукой.

Нельзя сказать, чтобы сторонниками морганинского направления ничего в этом направлении не было сделано. Они, как это хорошо показано в рецензируемой работе, выявили многие новые моменты в эволюции семейно-брачных отношений. Однако никто из них не смог предложить новой целостной концепции происхождения и развития брака и семьи, которая бы отвечала современному уровню развития науки.

Все сказанное выше позволяет понять значение рецензируемой книги. Это первая и пока единственная в советской, и не только в советской, литературе работа, в которой излагается новая конкретная схема эволюции семейно-брачных отношений, созданная на основе обобщения огромного фактического материала, накопленного к настоящему времени этнографией, археологией, палеоантропологией, приматологией, фольклористикой. Основными ее звеньями являются, как и в схеме Моргана, промискуитет групповой, парный и моногамный браки.

Ю. И. Семенов не только в совершенстве владеет огромным фактическим материалом, но и прекрасно знает историю и современное состояние проблемы происхождения и эволюции семьи и брака. Особое внимание уделяется в работе анализу концепции Моргана, а также выявлению всего того ценного, что было внесено в разработку проблемы эволюции брака и семьи исследователями, которые либо прямо примыкали к морганистскому направлению в этнографии, либо в той или иной степени находились под влиянием идей Моргана (Л. Файсоном, А. Хаунттом, Э. Тейлором, Ч. Риверсом). Автор специально останавливается на работах крупнейших советских исследователей, таких, как С. П. Толстов, М. О. Косвен, А. М. Золотарев и др. Как убедительно показывает Ю. И. Семенов, их открытия сделали возможным создание новой схемы эволюции брака и семьи. Выдвинутая и обоснованная в книге концепция